

Людвиг Штайнер не раз говорил своему сыну, который любил людей чересчур сильно: «Живя, однажды ты встретишь такого человека, который будет выделяться среди всех, кому ты даришь свою доброту.

И тогда, в отличие от расставания с другими, ты не просто немного загрустишь, продолжишь есть, веселиться и со временем забудешь. Нет, если ты не сможешь быть рядом с этим человеком, внутри тебя образуется пустота, и ты не сможешь делать ничего, кроме как ждать.

Это незаменимое, исключительное чувство и есть любовь. Поэтому, если встретишь человека, который вызовет в тебе такое чувство, ни за что не упускай его».

Когда же Ральф, который считал особенным каждого встречного и неизменно относился к людям с избытком симпатии, смотрел на отца с непониманием, Людвиг лишь улыбался и добавлял: «Что ж, ты поймёшь, когда придёт время. Я и сам не знал, что это такое, пока не встретил твою мать.»

Этот разговор, начинавшийся как наставление и плавно перетекающий в историю любви родителей, Ральф слышал с детства не раз.

Но отец не говорил ему...

То, что осознание этого особого чувства может наступить в момент, когда видишь, как твой любимый человек осознаёт свою любовь... к кому-то другому.

Моргнув, Ральф опустил ресницы и вспомнил ту сцену, что увидел тогда.

Как на бледном лице, которое в тот день казалось особенно уставшим и мрачным, что вызывало беспокойство, и которое, как он ни старался, удавалось лишь ненадолго озарить улыбкой, появилось осознание. А за ним — нежность, решимость, волнение. Как проступили сияющие и тёплые краски. Как в леденяще-синих глазах, наполнившись каким-то чувством, вновь вспыхнул свет.

И Ральф наконец понял, почему Людвиг называл любовь особенным чувством.

Да. Этого нельзя было ни с чем перепутать или не узнать.

Как можно не узнать любовь, если тот, кто её испытывает, сияет так ярко?

Даже Ральф, до сих пор не знавший, что такое любовь, смог понять это с первого взгляда. Нельзя было ошибиться.

Что же ещё, как не любовь, можно назвать этим ослепительно прекрасным сиянием? Это

чувство похоже на солнечный свет, разбивающийся на тысячи осколков в листве. Похоже на прозрачный, разноцветный воздух, наполняющий лёгкие, когда бежишь изо всех сил. Как можно назвать иначе это болезненно прекрасное, яркое свечение в груди?

Любовь и вправду, и вправду была тем самым особенным чувством, что так явно отличается от всего остального.

И осознав это, Ральф вдруг понял ещё одну вещь. Отец был прав: любовь доказывает себя тем, что остаётся, даже если её объект исчезает.

Отныне, если Руан не сможет встречаться с Дитрихом, в нём образуется пустота, и он не сможет делать ничего, кроме как безнадежно ждать его. Даже если Дитрих исчезнет, первое место в его сердце навсегда останется за ним. Даже смеясь с кем-то другим, частью души он будет тосковать по Дитриху.

Ибо Дитрих стал для Руана тем самым особенным существом, которого нельзя спутать ни с кем другим. Потому что любовь — это всегда особенное.

И, конечно же, это значило, что Ральф остался за чертой, которая разделяла всех остальных и того единственного.

Ральф смотрел на Руана, сиявшего, словно лунная дорожка, с лицом, выражавшим одно лишь желание тут же броситься к Дитриху. Чувством, которое Ральф никогда не смог бы вызвать на нём. Вот оно, то самое явное различие.

От этой мысли на сердце стало больно. От этого хотелось моргать чаще, чтобы скрыть внезапную влагу в глазах.

Но всё же...

Всё-таки это сияющее лицо было лучше, чем безжизненный вид, который он наблюдал весь день. Потому что ему не хотелось, чтобы этот добрый человек был несчастен.

На обратном пути, идя слегка замедленной походкой, Ральф размышлял.

«Наверное, теперь я буду очень сильно по тебе скучать. Наверное, мне не понравится время, проведённое без тебя. Наверное, я буду только и делать, что хотеть тебя видеть, и мне предстоит прожить бесчисленное количество времени без тебя. Будет очень-очень много таких моментов, как сейчас.

Ну и ну, вот это проблема».

...А на следующее утро он узнал, что Дитрих сделал Руану предложение.

И Руан его принял.

— Фу-ух... — Ральф откинулся на спинку стула.

Дел было много, но... встречаться с людьми совсем не хотелось. Последние несколько дней куда бы он ни пошёл, с кем бы ни заговорил — все только и говорили о Дитрихе и Руане. А Ральф в такие моменты ничего не мог поделать, кроме как только растерянно моргать.

Тот, кого он хотел увидеть, был... но человек, только что получивший предложение от любимого, наверняка сейчас очень занят. Ральф тихо застонал и уткнулся лицом в согнутые руки.

Тук-тук.

В этот момент раздался стук в дверь кабинета.

— Господин глава гильдии. Вы опять в унынии? У вас гость, — прозвучал голос помощницы Нины, извещающей о визите.

В обычное время сердце Ральфа бы забило от волнения и хвост завилял бы в предвкушении, кто же пришёл... Но сейчас он не был настроен на встречу. Если дело можно отложить, он предпочёл бы это сделать.

— Нина, сегодня я...

Но Нина, хорошо зная своего хозяина, не позволила ему закончить фразу и сразу назвала имя визитёра.

— Вас желает видеть советник Его Светлости Великого Герцога Рейнке, господин Руан Дэйн.

От неожиданного имени уши Ральфа, до того понуро висевшие, настороженно поднялись.

Руан... здесь?

* * *

Руан с неловким чувством смотрел на дверь кабинета главы гильдии.

«Похоже, он занят... Может, я зря пришёл?» — думал он.

С большим трудом он уговорил герцога отпустить его, пригрозив, что слабый человек, на

которого будут так набрасываться каждый день, может умереть, и оставив герцога позади, у которого при этих словах в глазах появился подозрительный взгляд, он неловко встретился с рыцарями, покончил с мелкими делами — и вдруг обнаружил, что день возвращения в Рейнке уже не за горами.

Поэтому он и пришёл, чтобы заранее попрощаться с Ральфом. Но, видимо, выбрал неудачное время.

«Ну, он же глава гильдии, наверное, всегда чем-то занят».

Как раз в тот момент, когда Руан уже собирался сказать, что зайдёт в другой раз, помощница Ральфа, стоявшая перед ним, громко произнесла:

— На самом деле, он уже перед дверью. Хватит бездельничать, идите уже встречайте гостя.

И одновременно с этими словами...

Скрип!

Дверь распахнулась, и на пороге появился Ральф с круглыми от изумления глазами.

— Господин советник?

Руан с неловкой улыбкой ответил:

— До возвращения в Рейнке осталось не так много времени, вот я и пришёл попрощаться. Кажется, я оторвал вас от дел, вы ведь очень заняты.

Тогда Ральф поспешно отступил от двери, давая пройти:

— Нет-нет, совсем нет. Проходите, пожалуйста.

— Благодарю, — сказал Руан, заходя в кабинет.

Впереди Ральф направлялся к своему месту, и вдруг из-под его одежды выскользнул длинный хвост. Как всегда, тот мягко покачивался, но потом его движения постепенно затихли, и он беспомощно повис.

«Что-то не так? Почему его хвост так опустился?»

Пока Руан недоумевал, Ральф грустным голосом проговорил:

— Правда... осталось совсем немного времени до вашего отъезда.

Может, он расстроен из-за предстоящей разлуки? Руану тоже было грустно расставаться с Ральфом, поэтому он сразу ответил:

— Верно. Поэтому я и подумал, что обязательно должен повидаться с господином главой гильдии перед отъездом. Но если вы заняты, не хотел бы беспокоить.

— Нет, нет. Как сказала Нина, я бездельничал... ну, не совсем. В общем, я не был занят. Но поездка в Рейнке будет для вас нелёгким делом.

— Да, я не привык к длительным поездкам на карете, так что будет тяжело... но всё это — сущие пустяки по сравнению с господином главой гильдии, который постоянно разъезжает по всему континенту.

Когда Руан так ответил, в поле его зрения снова попал хвост Ральфа, который вновь начал слегка покачиваться.

«Думал, на душе станет легче, когда пребывание в столице подойдёт к концу. Но когда я вернусь в Рейнке, я ещё долго не увижу эту картину».

В тот самый миг, когда Руану стало искренне жаль об этом, воцарилась тишина, и, должно быть, от недоумения, жёлтые уши Ральфа, торчавшие над его головой, настороженно задвигались.

— Но больше всего, наверное, я буду скучать по господину главе гильдии, вот это будет настоящая мука.

Ральф с удивлением посмотрел на Руана.

— ...Что?

— После того, как в прошлый раз господин глава гильдии вернулся в столицу, я очень по вам скучал. Ваше отсутствие ощущалось так странно, что я ловил себя на том, что, увидев что-нибудь жёлтое, пугался: «Неужели это господин глава гильдии?». Это долго продолжалось... На этот раз, видимо, последствия будут ещё дольше.

Ральф, смотревший на Руана так, словно услышал нечто неожиданное, спросил слегка растерянным голосом:

— Вы... по мне скучали?

Руан без колебаний ответил:

— Да. Скучал так, что даже начал беспокоиться.

— Значит, когда меня нет, вы скучаете по мне, как минимум настолько?

— Да. Конечно.

Ральф немного задумался, его глаза мягко взглянули на Руана, и он неожиданно улыбнулся.

— Тогда... Мне этого достаточно.

Он провёл языком по губам и продолжил:

— Господин советник... Я...

— Да. Говорите.

— Вы можете дать мне одно обещание?

<http://bllate.org/book/12567/1117868>